

© 2010 г.

И.А. Ладынин, Е.А. Попова

ЕГИПЕТСКАЯ ПОДВЕСКА, НАЙДЕННАЯ НА ГОРОДИЩЕ ЧАЙКА (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ), И ПОСМЕРТНОЕ ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ АРСИНОЙ II ФИЛАДЕЛЬФЫ

Одна из важных проблем, обозначившихся в отечественных исследованиях древнего Северного Причерноморья и, конкретнее, роли этого региона в системах геополитического взаимодействия эллинского мира, связана с его контактами с птолемеевским Египтом. Впервые эта проблема начала обсуждаться в 1920-е годы, в связи с известными свидетельствами, происходящими из Египта, – одним из папирусов архива Зенона о приеме в Фаюме послов Перисада II (P. Lond. 7. 1973)¹ и надписи из Фаюма же, упоминающей двух боспоритов (SB III. 6831. 69)². Первое из этих двух свидетельств сразу же было оценено как показатель государственных отношений между Птолемеями и Боспорским царством, главным фактором взаимодействия между которыми долгое время считалось соприкосновение их интересов в хлебной торговле³. С 1960-х годов серьезное внимание исследователей привлекли отдельные артефакты и целые их комплексы, свидетельствующие о контактах Северного Причерноморья с Египтом: находки александрийских «ваз Гадра» в некрополе Ольвии⁴; находки так называемых «птолемеевских перстней» в ряде пунктов региона, но преимущественно на территории Боспорского

¹ Rostovtzeff M.I. Greek Sightseers in Egypt // JEA. 1928. 14. P. 13–15; Ростовцев М.И. Птолемей II Египетский и Перисад II Боспорский // Сборник, посвященный П.Н. Милюкову. Париж, 1929. С. 109–116; ср. Трофимова М.К. Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46–47.

² Bernand E. Recueil des inscriptions grecques de Fayoum. III. Le Caire, 1981. Nr. 193. Pl. 27; ср., с полными отсылками к существующим изданиям: Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Ю.В. Андреева. М., 2000. С. 286–288. Рис. 3.

³ Жебелёв С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953. С. 83–85; см. оценку мнения о боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле: Трофимова. Из истории... С. 48 сл.

⁴ Шургая И.Г. Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4. С. 123–137; она же. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1972. № 3. С. 18–22.

царства⁵; голова египетской по своему исполнению статуи обожествленной Арсинои II, обнаруженная в Керчи⁶; фреска с изображением птолемеевского военного корабля «Исида», найденная в Нимфее в 1982 г. и быстро приобретшая мировую известность⁷; эпиграфические свидетельства проникновения в регион сформировавшихся в Египте эллинистических культов⁸.

Работа по комплексной интерпретации этих памятников еще далека от своего завершения, однако о ее основных перспективных направлениях можно высказать два замечания. Первый важный момент – это датировка абсолютного большинства свидетельств прямого взаимодействия птолемеевского Египта и Северного Причерноморья (нужно отделить его от инфильтрации египтизирующих культов, характерной для всей средиземноморской, а позднее и римской ойкумены⁹) III веком до н.э. Второе замечание касается гипотез, которые выдвигались с 1980-х годов в связи с интерпретацией данных свидетельств и поиском основного направления контактов между государством Птолемеев и Причерноморьем. В ряде работ высказывалось мнение, что важнейшим каналом таких контактов и поступления в регион египетского импорта III в. до н.э. (в частности, встречающихся в удивительном изобилии «птолемеевских перстней») могла быть служба наемников из государств Причерноморья в армии Птолемеев¹⁰. Позднее в связи с интерпретацией в данном ключе эпиграфического свидетельства из Фаюма были выдвинуты убедительные

⁵ *Неверов О.Я.* Группа эллинистических перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1. С. 107–115; *он же.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 17. 1976 (Культура и искусство античного мира, 5). С. 166–176; *Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67–76; *Коровина А.К.* Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 8 (Культура и искусство Боспора). М., 1987. С. 137–146; *Финогенова С.И.* Группа бронзовых перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164–167.

⁶ *Латис И.А., Матье М.Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1969. С. 127, 143. Рис. 90.

⁷ *Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88; *Grač N.* Ein neu entdecktes Fresco aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch // Scythika. München, 1987 (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Abh. Neue Folge. 98). S. 46–95.

⁸ Надпись из Тире с посвящением Сарапису, Исиде, Харпократу и Анубису: IPE I² 5 = SIRIS 712 (II в. до н.э., с оговоркой В.В. Латышева о возможности более ранней датировки); надпись из Истрии об отправке посольства в Калхедон с целью запроса оракула о целесообразности введения в городе культа Сараписа: ISM I. 5 = SIRIS 709a (середина III в. до н.э.); см. об этих надписях: *Шургая И.Г.* О греко-египетском культе в Северо-Западном Причерноморье // История и культура античного мира. М., 1977. С. 206–210; *Виноградов, Золотарев.* Божественная египетская триада... С. 290; надпись Хармиппа из Херсонеса с посвящением Сарапису, Анубису и Исиде: Там же. С. 284 сл. (середина III в. до н.э.).

⁹ См. применительно к Северному Причерноморью: *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.

¹⁰ *Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 133–136 (в связи с проникновением на Боспор овальных щитов «галатского типа»); *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. 1991. № 1. С. 20–23; *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 99–100.

возражения¹¹; находка же фрески с изображением корабля «Исида» побудила со всей серьезностью вернуться к вопросу о месте Северного Причерноморья в системе политических союзов (в том числе с весьма отдаленными малыми государствами), создававшихся в III в. до н.э. Птолемеями в рамках эллинистической ойкумены в ходе конфронтации с другими ее великими династиями – Селевкидами и Антигонидами¹².

Выше мы не упомянули еще одну немногочисленную категорию предметов египетского импорта, которые обнаруживаются в отдельных районах Северного Причерноморья, – стеклянные подвески с одним и тем же сюжетом. На греческом городище Чайка, которое находится в Северо-Западном Крыму, в районе г. Евпатория, в слоях эллинистического периода в разное время были найдены две двусторонние стеклянные подвески. Первая из них, обнаруженная в начале 1970-х годов, была опубликована Е.М. Алексеевой в ее свode по бусам Северного Причерноморья и ошибочно атрибутирована как «подвеска с двусторонним изображением женского лица, обрамленного пышными волосами»¹³. В том же издании ею опубликована точно такая же подвеска, найденная в Пантикапее, столице Боспорского государства¹⁴; датированы обе подвески исследовательницей были достаточно широко – III в. до н.э.

В 1993 г. на городище Чайка при раскопках Усадьбы № 2 в слое эллинистического времени была найдена вторая подвеска такого же типа из синего стекла (рис. 1). Она представляла собой двустороннее изображение, но не женского лица, а лиц мужского и женского, причем его стилистика (прежде всего ниспадающие волосы либо головной убор, обрамляющие оба лица, и остатки какого-то головного украшения над лбом женского лица; см. подробнее ниже) не оставляет сомнений в египетском происхождении предмета. Хотя подвеска была довольно сильно патинирована и некоторые фрагменты оказались отколотыми, парность изображенных на ней персонажей несомненна, что позволяет говорить и о смысловой связи между этими изображениями. При этом, учитывая, что оба изображения являются фасовыми, их интерпретацию целесообразнее строить на аналогиях скорее со скульптурной изобразительной традицией птолемеевского времени, нежели с

¹¹ *Виноградов, Золотарев*. Божественная египетская триада... С. 288; ср. с замечаниями одного из авторов настоящей статьи: *Ладынин И.А.* Еще раз о перстнях «птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // *Древности Боспора*. 11. М., 2007. С. 239–240.

¹² Вовлечение в эту систему государств Причерноморья – на примере союза с Птолемеями Северной лиги (военного союза полисов и царств северного и северо-западного побережья Малой Азии) – было давно отмечено С.Ю. Сапрыкиным (*Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 124–139); Ю.Н. Литвиненко, упоминая об этом, фактически проигнорировал этот важный момент, следуя за не слишком удачной концепцией «оборонительного империализма» Птолемея Э. Вилля (*Литвиненко*. Птолемеявский Египет... С. 16–18); применительно к полисам Северного Причерноморья проблема их политических связей с Птолемеями в середине III в. до н.э. (в политической ситуации последствий Хремонидовой войны и времени 2-й Сирийской войны) разрабатывалась в последние годы жизни Ю.Г. Виноградовым: *Vinogradov Ju.* Der Staatsbesuch von «Isis» im Bosphoros. // *ACSS*. 1999. 5. 4. P. 271–302.

¹³ *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // *Свод археологических источников*. Вып. Г1-12. М., 1978. С. 73. Табл. 34, 13.

¹⁴ Там же. С. 73. Табл. 34, 14.

Рис. 1. Подвеска с городища Чайка: а – изображение Птолемея II Филадельфа; б – изображение обожествленной Арсинои II Филадельфы

иконографией монет¹⁵, ойнохой¹⁶ и тому подобных профильных изображений на плоскости.

Сам принцип парности мужского и женского лиц на двух сторонах подвески побуждает предположить, что изображена либо чета богов – Сараписа и Исиды, либо царская чета. Первый вариант отпадает сразу по причине явного несоответствия мужского изображения иконографии Сараписа: хотя типология изображений этого божества и хронологическое распределение их основных типов остаются достаточно дискуссионными проблемами¹⁷, нам неизвестны изображения,

¹⁵ О применении иконографии монет эллинистического Египта при идентификации профильных изображений на «птолемеевских перстнях» см. *Неверов*. Группа эллинистических перстней... С. 108 сл.; главным справочным изданием по нумизматике эллинистического Египта до сих пор остается свод: *Svoronos J.N. Die Münzen der Ptolemäer/Ta nomismata tou kratou tw n Ptolemaiwn*. Athen, 1904–1908 (сетевая публикация в английском переводе: http://www.coins.com/images/dr/svoronos_book3.html).

¹⁶ *Thompson D.B. Ptolemaic Oinochoiai and Portraits in Faience: Aspects of the Ruler-Cult*. Oxf., 1973.

¹⁷ См. удобную сводку по данной проблеме: *Schmidt S. Serapis – ein neuer Gott für die Griechen in Ägypten // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung*. Städteliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a.M., 2006. S. 295–299 (с отсылками к работам: *Stambaugh J.E. Serapis under the Early Ptolemies*. Leiden, 1972 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'empire Romain, 25). P. 61–64; *Castiglione L. La statue de culte hellénistique du Sarapieion d'Alexandrie // Bulletin du Musée hongrois des beaux-arts*. 1958. 12. P. 17–39; *idem. Sarapis-Gesichter. Ein Versuch die iconographie des Gottes zu vermehren // Alessandria e il mondo ellenistico-romano. Studi in onori di A. Adriani / Ed. N. Bonacasa, A. di Vita*. I. Roma, 1983. P. 139–154; *Hornbostel W. Sarapis*. Leiden, 1970 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'empire Romain, 32). P. 232–237; *idem. Sarapiaca // Hommage à M.J. Vermaseren / Ed. M.B. de Boer, T.A. Edridge*. Leiden, 1978 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'empire Romain, 68). P. 501–518. Pl. XCVII–CXV.

в которых не было бы такого атрибута этого божества, как пышная борода, при том, что сохранность нашей подвески позволяет уверенно говорить о ее отсутствии. На наш взгляд, в мужском изображении можно обнаружить такие детали, как царский платок (кажется, мы имеем дело скорее с его стилизацией, нежели с незакрытыми свободно спадающими волосами) и приставная борода (опять же, подвергшаяся определенной стилизации); таким образом, мы сталкиваемся со стилизацией элементов чисто египетской традиции царских изображений, причем, несколько удивляет отсутствие среди них урея. На женском изображении волосы царицы скорее разделены на свободно спадающие на две стороны от пробора, подвитые или волнящиеся пряди волос или парика; в нижней части изображения тот элемент, который с оборотной стороны «подан» как приставная борода мужчины, выглядит просто функциональной частью подвески; особенно важно, что над пробором сохранился фрагмент какого-то головного украшения. Это может быть либо некая «производная» от таких элементов иконографии Исиды, как рога с солнечным диском между ними, либо урей, либо и то, и другое в сочетании¹⁸. На наш взгляд, в случае данного предмета предпочтительно считать, что на нем имелся только урей: если бы речь шла о рогах с солнечным диском, то, при достаточно четкой передаче «египтизмов» в мужском изображении, можно было бы ожидать, что этот элемент был бы трактован без излишней стилизации; в таком случае он сильно выдавался бы над подвеской¹⁹, что и нарушало бы ее пропорции, и повышало бы хрупкость. В связи с возможностью, что этим головным украшением является урей, нужно сказать, что этот иконографический элемент в принципе свойствен и изображениям богинь; однако в случае с нашей подвеской мы имеем дело, несомненно, с изображением царицы, коль скоро атрибуцию мужского изображения божеству можно считать исключенной.

Доля условности, неизбежная в изображении на предмете мелкой пластики, побуждает нас отказаться от идентификации персонажей, представленных на подвеске, по чисто иконографическим, «портретным» признакам и скорее опираться на некоторые интерпретации, основанные на уже сделанных наблюдениях и на предположениях о назначении этого предмета. Прежде всего вернемся к такой отмеченной нами детали, как отсутствие урея на мужском изображении подвески и его наличие на женском изображении: учитывая, что в древнеегипетской традиции урей является атрибутом божества, представляющим его разящую силу²⁰,

¹⁸ *Krug A. Isis – Aphrodite – Astarte // Fremdheit – Eigenheit: Ägypten, Griechenland und Rom – Austausch und Verständnis / Hrsg. P.C. Bol, G. Kaminski, C. Maderna. München, 2004 (Städel-Jahrbuch). S. 186; Albersmeier S. Griechisch-römische Bildnisse der Isis // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtisches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a.M., 2006. S. 310–312.*

¹⁹ См. *Krug. Isis – Aphrodite – Astarte. S. 186. Abb. 7* (изображения птолемеевских цариц на откатах печатей из Эдфу; Торонто, Королевский музей Онтарио). *S. 187. Abb. 9 a, b* (голова Афродиты-Астарты из Сидона с заимствованием из иконографии Исиды; Британский музей, ANE 132355). *S. 188. Abb. 10* (статуэтка Афродиты-Астарты; Британский музей, ANE 134875); ср. с более «сглаженной» трактовкой данного иконографического элемента на фаянсовом бюсте Исиды (Париж, Национальная библиотека, 120; *Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a.M., 2006. Nr. 204. S. 623*) и статуе «Исиды в черных одеждах» (Неаполь, Национальный археологический музей, 6372; *Ägypten – Griechenland – Rom... Nr. 205. S. 623*).

²⁰ См. о связи урея с представлением об оке божества, как его действующей, в том числе разящей, силе: *Martin K. Uräus // LÄ. VI. Sp. 865–866.*

из этого можно заключить, что за изображенной на подвеске царицей признается некая бóльшая степень сакральности, чем за царем (забегая несколько вперед, скажем, что, очевидно, такой же смысл акцентирования сакральности, констатации, что она наличествует у того или иного правителя в мере, превышающей «нормальную» для него в категориях древнеегипетского царского культа, должно было иметь наделение изображений не одним, а двумя, а то и тремя уреями²¹). Далее, чисто декоративное назначение нашей подвески достаточно маловероятно; скорее следует предположить, что, как это типично для массовой египетской продукции из фаянса и стекла, она служила амулетом²². В таком случае речь опять же должна идти об определенной степени сакральности одного из изображенных на подвеске персонажей, сообщающей этому предмету его свойства апотропея²³, причем, опять же о степени сакральности, превышающей «стандарт» системы царского культа в древнем Египте (в его инварианте времени Птолемеев, адресованном их греко-македонским подданным, таким стандартом можно считать провозглашение царской четы «богами» с тем или иным культовым эпитетом²⁴) и предполагающей, так сказать, подлинную, практически сопоставимую истинным небожителям степень божественности царя или царицы, изображенных на подвеске. На наш взгляд, с учетом этих моментов ответ на вопрос, кто именно на ней изображен, может быть дан довольно уверенно: скорее всего, это Птолемей II Филадельф и Арсиноя II Филадельфа – «боги-Адельфы» (брат и сестра), согласно культовому эпитету, утвержденному за ними ок. 272/271 г. до н.э.: при этом предполагаемая бóльшая степень божественности может быть связана именно с Арсиноей II, если допустить, что мы имеем дело с ее статусом после ее смерти ок. 270 г. до н.э., когда ее супруг и брат учредил для нее исключительные культовые почести (должность эпонимной жрицы-канефоры Арсиной в Александрии; почитание ее во всех храмах Египта в качестве *σύνναος θεᾶς*, т.е. богини, делящей культ с главным богом каждого святилища²⁵; весьма значительное храмовое строительство в ее честь)²⁶. По-видимому, урей на изображении Арсиной на подвеске (может

²¹ Ibid. Sp. 866; *Maehler H. Ptolemaic Queens with a Triple Uraeus // CdE*. 2003. 78. P. 292–303 (в данной статье приводится сводка по всем изображениям такого рода начиная с Нового царства; сейчас мы не готовы, да в рамках настоящей работы и не можем позволить себе обосновать применительно ко всем соответствующим персонажам тезис об их «сверхнормативной сакральности», хотя видим для этого определенные возможности, но, откровенно говоря, не представляем, какой иной смысл может иметь подобная атрибутика, учитывая символику урея в древнеегипетской традиции).

²² См., например: *Путь к бессмертию: Памятники древнеегипетского искусства в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Каталог выставки. М., 2002. С. 225–261 («Амулеты»).*

²³ О «механизме защиты», действующем, согласно древнеегипетским представлениям, в композициях тео- и наофорных скульптурных групп (изображений человека с наосом или статуей божества в руках) и, скорее всего, аналогичном и в случае с амулетами, подвешиваемыми на груди, см. *Берлев О.Д., Ходжаши С.И. Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 2004. С. 249.*

²⁴ См., с подробными отсылками к литературе: *Ладынин И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 3. СПб., 2004. С. 161–167.*

²⁵ *Nock A.D. ΣΥΝΝΑΟΣ ΘΕΟΣ // HSCP*. 1930. 41. P. 1–62. Esp. 4–13.

²⁶ *Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. L.–N.Y., 2001. P. 40, 101–104.* Мы придерживаемся датировки смерти Арсиной II, разделяемой большинством исследователей; Э. Гржибек высказывал мнение, что она должна датироваться 268 г. до н.э. (*Grzybeck E. Du*

быть, и двойной, что допустимо, учитывая размер скола головного украшения), при его отсутствии на парном изображении ее брата, призван показывать, что ее посмертная божественность превышает сакральность оставшегося земным правителем Птолемея II, подобно тому, как такую же идею выражает двойной урей на египетских изображениях Арсиной после ее смерти в отличие от «одинарного» — на статуях ее брата²⁷. Заметим, что такое «сопоставление» степеней сакральности Птолемея и Арсиной в концепции рассматриваемого нами предмета служит довольно надежным критерием его датировки временем после смерти царицы, но на протяжении жизни царя (т.е. в диапазоне между 270 и 246 гг. до н.э.): трудно представить, чтобы оно оставалось актуальным после смерти Птолемея II, когда, к тому же, сообразно представлениям царского культа его дома, он и сам должен был занять место среди истинных небожителей (ср., применительно к его отцу Птолемею I Сотеру, а также к Александру: Theocr. XVII. 16 ff.²⁸) и вновь уравниваться в славе со своей сестрой и супругой.

Наконец, несмотря на констатированную нами условность чисто иконографической атрибуции женского изображения нашей подвески, в нем все же не обнаруживается никаких препятствий для отождествления именно с Арсиной II: ее черты, известные прижизненному портретному изображению, голова хранящаяся в Академическом музее искусства, В284 (Бонн)²⁹, и по монетам, — «спокойное выражение лица, широко раскрытые глаза, сжатые, тонко изогнутые губы и характерный для нее маленький подбородок»³⁰ — мы видим, хотя бы и в более схематичной трактовке, и в женском лице на подвеске. Отметим и еще одну вероятную черту этого изображения, о которой размеры несущего его предмета, как кажется, не позволяют судить с полной уверенностью: волнящиеся волосы женщины, обрамляющие на подвеске ее лицо, могут представлять собой так называемые «закрученные штопором пряди» вместо традиционного египетского парика, наблюдающиеся в иконографии Исиды с конца III в. до н.э. и птолемеевских цариц со II в. до н.э.³¹ Примером данной черты в иконографии Арсиной II может служить прежде всего

calendrier macédonien au calendrier ptolémaïque: problèmes de chronologie hellénistique. Basel, 1990 (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft, 20). P. 103 ff.), однако оно сразу встретило целый ряд возражений.

²⁷ Данная идея наиболее заметна в паре скульптурных изображений Птолемея II и Арсиной II из Гелиополя (в настоящее время в Museo Gregoriano Egizio, Ватикан, 22681 и 22682: *Quaegebeur J.* Kleopatra VII. und der Kult der ptolemäischen Königinnen // *Kleopatra: Ägypten um die Zeitenwende*. Mainz, 1989. S. 51–53. Abb. 19–20; *Maehler.* Ptolemaic Queens... P. 300; *Albersmeier S.* Die Statuen der Ptolemäerinnen // *Ägypten – Griechenland – Rom...* S. 253, 256. Anm. 9. См. эпитет Арсиной в Мендесской стеле *šspt iʿrty* (Urk. II. 16: «принявшая два урея») в ее титулатуре в контексте ее брака с Птолемеем II (Ibid. 39. 10 ff.), что может предполагать наличие у нее этого атрибута еще при жизни; в то же время текст стелы уже составлялся после ее смерти и обожествления Арсиной (Ibid. 40. 8 ff.) и мог перенести атрибутику ее изображений, актуальную в это время, на более ранний этап (ср. *Quaegebeur J.* Reines ptolemäische et traditions égyptiennes // *Das Ptolemäische Ägypten: Akten des Internationalen Symposions 27–29. September 1976 in Berlin* / Hrsg. von H. Maehler, V.M. Stroeka. Mainz, 1978. S. 257–258).

²⁸ *Ладынин И.А.* Проблемы греко-египетского синтеза в царском культе при первых Лагидах (Theocr. XVII) // *Античность и средневековье Европы. Межвуз. сб. науч. трудов.* Пермь, 1996. С. 23.

²⁹ *Ägypten – Griechenland – Rom...* Nr. 146. S. 574.

³⁰ *Albersmeier.* Die Statuen der Ptolemäerinnen. S. 253.

³¹ *Eadem.* Griechisch-römische Bildnisse der Isis. S. 311–312.

Рис. 2. Статуя обожествленной Арсинои II Филадельфы (Metropolitan Museum of Arts, N.Y. Inv. 20.2.21; приводится по изданию: *Albersmeier*. Das «Isisgewand» der Ptolemäerinnen: Herkunft, Form und Funktion. S. 423. Abb. 4)

статуя из Музея Метрополитен в Нью-Йорке II в. до н.э. (20.2.21)³² (рис. 2), хотя совсем отчетливую аналогию трактовке волос на нашей подвеске мы находим, видимо, еще раньше на голове Арсинои III из художественного Музея Уолтерса (Балтимор, США³³; рис. 3; на этом изображении нет ниспадающих на лоб прядей, зато, как и на подвеске, имеются следы крепления надо лбом некоего атрибута). В связи с этим немаловажно, как применительно к таким памятникам скульптуры решается вопрос об их принадлежности к эллинской или египетской традиции. Во многих случаях (в частности, в случае статуи из Музея Метрополитен) их нужно отнести однозначно ко второй из них по таким критериям, как постановка ног (левая выдвинута «на шаг» вперед, при том что в остальных чертах фигура царицы статична), наличие заднего опорного столба и иероглифическая надпись на нем. В то же время пресловутые «закрученные штопором пряди», одежда с характерным узлом на груди, расположенным подчеркнуто асимметрично, ближе к правому плечу (еще одна черта эллинистической иконографии Иси-

ды³⁴) и наконец в случае со статуями Арсинои II раздвоенный рог изобилия в левой руке царицы³⁵ обязаны своим возникновением, несомненно, эллинскому влиянию. Соответственно такие скульптурные изображения можно квалифицировать как принадлежащие древнеегипетской традиции, но демонстрирующие сильные черты эллинизации. В работах С. Альберсмайер – ведущего, на сегодняшний день, специалиста по женским статуям птолемеевского Египта³⁶ – есть явная нечеткость в вопросе о направлении взаимодействия между эллинистическими традициями

³² Kleopatra: Ägypten um die Zeitenwende. Mainz, 1989. Nr. 62. S. 198–199.

³³ *Albersmeier*. Die Statuen der Ptolemäerinnen. S. 255. Abb. 1–2. В данном случае мы говорим об аналогии в трактовке, не меняющей чего-либо в датировке нашей подвески, которую мы считаем установленной по неиконографическим основаниям.

³⁴ *Albersmeier*. Die Statuen der Ptolemäerinnen. S. 253; *eadem*. Griechisch-römische Bildnisse der Isis. S. 312; *eadem*. Das «Isisgewand» der Ptolemäerinnen: Herkunft, Form und Funktion // Fremdheit – Eigenheit: Ägypten, Griechenland und Rom – Austausch und Verständnis / Hrsg. P.C. Bol, G. Kaminski, C. Maderna. München, 2004 (Städel-Jahrbuch). S. 421–432.

³⁵ *Латус, Матве*. Древнегреческая скульптура... С. 124–125; ср. *Большаков А.О.* Арсиноя или Клеопатра? // Арсиноя или Клеопатра? [Каталог выставки] / А.О. Большаков, О.Я. Неверов, Ю.Л. Дюков. СПб., 2002. С. 4–5 (с отсылками к литературе).

³⁶ К сожалению, нам осталась недоступна ее основная монография по данной проблеме: *Albersmeier S.* Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. Mainz, 2002 (*Aegyptiaca Treverensia*, 10).

изображения Исиды и птолемеевских цариц, которое выразилось в наличии в них общих черт, уже отмеченных нами: «закрученных штопором прядей» и особого типа одежды. С одной стороны, в своих обязывающих формулировках исследовательница придерживается мнения о проникновении этих черт в скульптурные изображения цариц из иконографии Исиды не ранее II в. до н.э. (времени, к которому относится статуя из Музея Метрополитен)³⁷; с другой стороны, данное мнение плохо учитывает несомненно эллинскую основу данных изобразительных особенностей, притом, что самой благоприятной почвой для их перехода в эпоху эллинизма в египетскую традицию изображения Исиды могла быть как раз иконография цариц! В работе, посвященной пресловутому «одеянию Исиды» с узлом на груди, С. Альбермайер допускает тем не менее, что данный атрибут мог появиться еще в III в. до н.э. в изображениях обожествленных цариц (из египетских памятников она упоминает некоторые рельефы, самым ранним из них является архитрав из Атрибиса с изображением Птолемея II и Арсиной II), далее закрепиться в иконографии Исиды и наконец перейти из нее в скульптурные изображения цариц, принадлежащие египетской традиции (все учтенные исследовательницей статуи имеют задний опорный столб)³⁸. При определении принадлежности к египетской или эллинской традиции подвески с городища Чайка надо вспомнить, что «функционировать» как амулет она должна была, видимо, согласно «законам» древнеегипетской религии (см. наше прим. 23), а в ее внеш-

³⁷ *Albersmeier. Die Statuen der Ptolemäerinnen*. S. 253; *eadem. Griechisch-römische Bildnisse der Isis*. S. 312.

³⁸ *Eadem. Das «Isisgewand» der Ptolemäerinnen...* S. 424, 427. Как представляется, исследовательница «гипнотизирована» упоминанием пресловутого одеяния в «Метаморфозах» Апулея из Мадавра как атрибута Исиды (*Ibid.* S. 421; ср. *Apul. Metamorph.* XI. 3–4), считая вследствие этого, что он и являлся таковым с самого начала. На наш взгляд, она и переоценивает соответствие описания Апулея рассматриваемому ею иконографическому атрибуту, и явно не учитывает, что Апулей в любом случае говорил об изображении Исиды согласно оформившейся уже твердо, за несколько веков до его времени, традиции: для него эта традиция во всех своих деталях ассоциировалась именно с богиней, и он, конечно, едва ли представлял себе процесс ее оформления или задавался вопросом об этом. Гораздо более простой и логичный, по сравнению со схемой, обозначенной С. Альберсмайер, путь эволюции рассматриваемых ею изобразительных приемов – это их возникновение в иконографии обожествленных цариц в III в. до н.э. с последующим закреплением в их скульптурных изображениях и проникновением в иконографию Исиды как раз на этапе оформления ее эллинистического общесредиземноморского культа в III – начала II в. до н.э.

них особенностях прослеживаются явные «египтизмы» (бородка и, вероятно, царский платок в мужском изображении, отсутствующие в античной иконографии Птолемеев; урей в женском изображении, контрастирующий с его отсутствием в мужском, см. выше). В то же время эти черты соседствуют с еще одной важной особенностью, которую трудно представить себе в чисто египетском памятнике: отсутствие в мужском изображении подвески урея легко объяснить стремлением «сэкономить» на деталях, повышающих хрупкость предмета и трудоемкость его изготовления (такой деталью был бы не только «мужской» урей, но и необходимый в этом случае для сохранения контраста с ним двойной «женский» урей), однако оно практически невозможно в рамках египетской традиции, для которой урей – это важнейшая и неперенная черта любого царского изображения. Таким образом, нашу подвеску можно считать предметом, адаптирующим некоторые религиозные и иконографические явления египетской традиции к традиции эллинской; при этом, если наше предположение трактовки волос женского изображения на подвеске как «закрученных штопором прядей» верно, то, учитывая предложенную нами ее датировку, она относится к этапу формирования комплекса черт, ставших впоследствии общими для иконографии птолемеевских цариц и Исиды.

В связи с «египтизмами» подвески с городища Чайка уместно вспомнить, что на территории Северного Причерноморья известно по крайней мере еще одно изображение Арсиной II, даже не адаптирующее египетскую традицию, а прямо к ней принадлежащее, – голова ее статуи из черного базальта из Керчи, находящаяся в Государственном Эрмитаже (3099) и также датирующаяся серединой III в. до н.э. (на нем у царицы имеется одинарный, а не двойной урей, что, видимо, дает основание отнести это изображение еще ко времени ее жизни, до 270 г. до н.э.)³⁹. Сообразно этому, возникает вопрос о предпосылках проникновения этих изображений царицы в столь далекие от Египта края. В свое время О.Я. Неверов отмечал, что для всех птолемеевских цариц, чтившихся в тесной связи с Исидой, как и для эллинизированного культа самой этой богини, было свойственно качество покровительства мореплаванию⁴⁰: в частности, известно почитание Арсиной, наделенной этим качеством и отождествленной с греческой Афродитой Эвплогей, в святилище на мысе Зефирион к востоку от Александрии, которое было отстроено на средства флотоводца Птолемея II Калликрата Самосского⁴¹. Согласно официальной легенде, именно в это святилище супруга Птолемея III Береника посвятила свои волосы в порядке обета за благополучное возвращение своего мужа из его восточного похода во время 3-й Сирийской войны (Callim. Fr. 110 Pf.; Catul. 66)⁴²: стоит обратить внимание, что и в этом особенно ярком и прославленном случае апелляция к Арсиное явно была связана с ее покровительством странствующим по морю. Похоже, что именно этот аспект обожествленной царицы пропагандировался на протяжении царствования Птолемея II, притом, что для его окружения, прежде всего для представителей его войска, он мог быть необычайно важен «прак-

³⁹ См. наше прим. 6, а также *Виноградов, Золотарев*. Божественная египетская триада... С. 286. Рис. 3.

⁴⁰ *Неверов*. Группа эллинистических перстней... С. 114; ср. *Виноградов, Золотарев*. Божественная египетская триада... С. 290 (с отсылкой к перечню случаев «благотворного вторжения египетских божеств в жизнь обитателей Делоса»: *Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale*. P., 1970. P. 464).

⁴¹ *Hölbl*. A History of the Ptolemaic Empire. P. 103.

⁴² *Ibid.* P. 105 (со справедливой отсылкой к мотиву посвящения Исидой пряди волос при оплакивании своего супруга Осириса).

тически»: в главных войнах этого царствования – Хремонидовой (267–261 гг. до н.э.) и 2-й Сирийской (260–253 гг. до н.э.) – едва ли не решающее значение имели именно морские кампании, разворачивавшиеся в Эгейском бассейне⁴³. Понятно, что это качество обожествленной царицы вполне могло быть «востребовано» и в тесно связанных с морем государствах Северного Причерноморья, в том числе и на приморском аванпосте хоры Херсонеса, каким являлось поселение городища Чайка.

Примеры установления культа обожествленной после смерти Арсиной за пределами Египта уже в середине III в. до н.э. известны в Китионе на о-ве Кипр (введение эпонимной должности канефоры), на Делосе (введение праздника «Филадельфий», в котором почитание Арсиной сопрягалось с культами Аполлона, Артемиды и Латоны; сооружение для нее храма), на о-ве Фера (введение праздника «Арсиной») и в ряде других мест Эгеиды и Средиземноморья⁴⁴; однако легко понять, что эти почести, клиширующие формы династического культа птолемеевского Египта (институт эпонимного жречества и регулярные праздники в честь династии), сложились в его сфере влияния и маркировали политическую связь с этим государством вводивших их полисов. Говорить об аналогичном их учреждении далеко за пределами этого ареала, в Северном Причерноморье, на основании сугубо единичных находок было бы неоправданно; вместе с тем Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев предположили в связи с головой Арсиной из Керчи, что данное скульптурное изображение было привезено из Египта в дар и выставлено в Пантикапее⁴⁵. Подобное дарение скульптурного изображения, в особенности учитывая его принадлежность к неэллинской традиции, чуждой вероятным получателям этого дара, трудно мотивировать иначе, чем какими-то его полезными свойствами, лежащими в культовой сфере (даже несмотря на одинарный, а не двойной урей на нем, предполагающий еще не полное обожествление Арсиной). В связи с этим невольно приходится вспомнить об активизации военно-морских контактов Птолемея II в зоне Понта в финале 2-й Сирийской войны, проявлением которых стали визит на Боспор и плавание по Понту флагмана египетского флота «Исида», запечатленного на фреске из Нимфея⁴⁶. Все те же издатели посвящения Хармиппа, сына Притана, египетской триаде из Херсонеса вполне серьезно выдвинули версию, согласно которой проникновение этого культа в Херсонес Таврический могло состояться как раз во время пребывания там «Исиды», через посредство жрецов, обслуживавших корабельную часовню богов⁴⁷. Учитывая качество покровительницы мореплавания, присвоенное обожествленной Арсиной II и, как мы видели, настоятельно пропагандировавшееся, наличие в таких часовнях кораблей птолемеевского флота предметов, связанных с ее культом, прежде всего ее чтимых изображений, не должно вызывать сомнений. Разумеется, было бы рискованно возводить появление в Северном Причерноморье предметов, связанных с культом Арсиной, все к тому же плаванью корабля «Исида»; однако, надо думать, оно было

⁴³ Ibid. P. 40–45. Заметим, что в таком случае и само наименование корабля, ставшего знаменитым благодаря фреске из Нимфея, – «Исида» – может быть понято именно как своего рода апотропей, связанный с отмеченным нами качеством данной богини в рамках ее эллинизированного культа.

⁴⁴ Ibid. P. 104 (с подробными отсылками к источникам и литературе).

⁴⁵ Виноградов, Золотарев. Божественная египетская триада... С. 286.

⁴⁶ Vinogradov. Der Staatsbesuch...; Виноградов, Золотарев. Божественная египетская триада... С. 289–291.

⁴⁷ Виноградов, Золотарев. Божественная египетская триада... С. 289–290.

хотя и особо значимым, но не единичным событием такого рода. В таком случае данные предметы, включая и нашу подвеску, вполне логично считать дружественными дарами моряков птолемеевской службы их контрагентам в Северном Причерноморье, вероятно, тоже основательно связанным по роду своей деятельности с морем⁴⁸, причем, в распределении этих даров видна вполне понятная градация: голова качественного (но, возможно, судя по одинарному урею, уже несколько устаревшего и потому ненужного на корабле) изображения Арсиной была обнаружена в столице Боспорского царства, а на несколько порядков менее ценная подвеска – на территории херсонесской хоры⁴⁹.

В заключение выскажем некоторые замечания о характере синтеза древнеегипетских и эллинских представлений в посмертном культе Арсиной II, репликами которого стали рассмотренные нами предметы. Выше в нашей аргументации имело большое значение то, что в рамках ее посмертного обожествления Арсиной II Филадельфа приобрела большую степень сакральности, чем переживший ее брат и супруг (хотя примерно за два года до ее смерти, ок. 272/271 г. до н.э., они оба уже получили именование «богов-Адельфов» и приобщение под этим эпитетом к культу Александра в столице их державы). Едва ли мы ошибемся, если скажем, что именно эта особая степень сакральности (по сути дела, равенство подлинным небожителям), признанная за Арсиной после смерти, стала обоснованием того экстраординарного почитания, которое было учреждено в ее честь и основательно превышало объем почестей, полагавшийся до тех пор и живущим, и усопшим обожествленным членам династии Птолемеев. В довольно близкой исторической перспективе его учреждение стало «обкаткой» идеологической модели, которая была реализована уже в прижизненном культе «богов-Эвергетов» при Птолемеях III ок. 243–238 гг. до н.э.⁵⁰ и стала своего рода стандартом царского культа на будущее. Однако в этой связи мы уже затрагиваем историческую перспективу; если же говорить об эволюции царского культа Птолемеев на протяжении первой половины III в. до н.э., то культовые почести Арсиное резко выбиваются из ее общей динамики. Похоже, что это осознавал и сам их главный учредитель Птолемей Филадельф: опять же, мы вряд ли ошибемся, если увидим в настойчивой и давшей свои результаты пропаганде применительно к обожествленной царице ее покровительства мореплаванию (причем, как мы говорили, в уподоблении эллинскому божеству – Афродите Эвплое) стремление сгладить экстраординарность адресо-

⁴⁸ Один из авторов настоящей работы уже высказывал предположение о том, кем могли быть эти контрагенты, нередко получавшие еще такой маркер личной связи с государством Птолемеев, как бронзовые перстни с изображением представителей этой династии: *Ладынин*. Еще раз о перстнях «птолемеевского типа» из Северного Причерноморья... С. 247–248.

⁴⁹ Очевидно, предложенная нами трактовка позволяет поставить вопрос и о подобной интерпретации двусторонних подвесок с городища Чайка и из Пантикалея, опубликованных Е.М. Алексеевой, при их аналогичности изученному нами артефакту (см. наши прим. 13–14). Заметим, что по датировке нашей подвески (как мы говорили, периодом 270–246 гг. до н.э.) ее находка соотносится со сравнительно немногочисленными свидетельствами функционирования Усадьбы № 2 в середине – второй половине III в. до н.э.: *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М., 2005. С. 54.

⁵⁰ *Ладынин И.А.* Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х – нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 4. СПб., 2005. С. 226–239.

ванных ей почестей в восприятии греко-македонских подданных Птолемея II и добиться их искренней лояльности к новому культу, обеспечив его реальную «востребованность». О причинах, которые побуждали Птолемея II добиваться настоящего обожествления умершей Арсинои, источники не говорят напрямую, однако, по-видимому, они были, выражаясь академическим языком, сильно субъективны. Если следующее в династической истории Птолемеев поколение «Эвергетов» по тому, что о них известно, производит впечатление счастливой семьи, скрепленной глубокой любовью, то чувство друг к другу «Адельфов» выглядит гораздо более беспокойным и ведущим их (прежде всего Птолемея II) к крайностям. Жизнь старшей дочери Птолемея Сотера Арсинои в течение первых двух десятилетий III в. до н.э. за пределами Египта, в качестве жены Лисимаха и, короткое время, Птолемея Керавна, производит впечатление авантюрного романа, героиня которого проявила редкостные способности подчинять своим интересам очень драматические обстоятельства финала эпохи диадохов; по возвращении же ее в Египет ок. 279 г. до н.э. ей удастся добиться, что Птолемей II пренебрег их полным кровным родством⁵¹, восьмилетней разницей не в его пользу в их возрасте и собственным браком и сделал ее своей женой⁵². Похоже, что посмертное обожествление Арсинои и было последней репликой этого не признававшего препятствий чувства; и в связи с этим неудивительно и весьма показательно, что, по мнению ряда исследователей, именно копия ватиканской статуи Арсинои была заказана Калигулой в качестве изображения занявшей похожее место в его собственной жизни его сестры Друзиллы (Museo Gregoriano Egizio, 22683)⁵³.

Вместе с тем обожествление Арсинои требовало от его инициатора не только подготовки популярности ее культа в массах, но и обоснования и объяснения перемены ее «онтологического статуса», придавшей ей наивысшую степень сакральности. «Технически» в идеологии эллинистического Египта подобная перемена мыслилась, очевидно, как вознесение обожествленного правителя на небо и занятие им места среди истинных небожителей. В «Энкомии Птолемею» Феокрита⁵⁴, относящемся ко времени брака Птолемея II и Арсинои, еще до ее смерти, мы видим описание подобного пребывания на небе Александра и Птолемея I Сотера и вознесения на небо его супруги Береники. Согласно последнему описанию, Береника на своем пути к Ахеронту, т.е. к посмертному местообитанию обычных людей, была «перехвачена» Афродитой и после этого вознесена на небо (Theocr. XVII. 45–50); нечто аналогичное совершают для Арсинои после ее смерти, согласно посвящен-

⁵¹ Вопреки распространенному убеждению кровнородственные браки не были принятой практикой ни в египетской (даже на уровне царских домов), ни в македонской среде: Černý J. Consanguineous Marriages in Pharaonic Egypt // JEA. 1954. 40. P. 23–29; Carney E.D. The Reappearance of Royal Sybling Marriage in Ptolemaic Egypt // PP. 1987. 42. P. 421 ff. Об ореоле скандала, окружавшем брак Птолемея II и Арсинои II см. Athen. XIV. 621a-b; Launey M. L'exécution de Sotadès et l'expédition de Patroclus dans la Mer Egée // REA. 1945. 47. P. 33–45.

⁵² Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman (Okla.), 2000. P. 173–177; Hölbl. A History of the Ptolemaic Empire. P. 24–25, 35–36.

⁵³ Grenier J.-C. Notes isiaques // Bollettino – Monumenti, musei e gallerie pontificie. 1989. 9. P. 21–33; Maehler. Ptolemaic Queens... P. 300. Not. 48.

⁵⁴ См. новое издание и исследование: Theocritus. Encomium of Ptolemy Philadelphus / Text and Translation with Introduction and Commentary by R. Hunter. Berkeley–Los Angeles–London, 2003 (Hellenistic Culture and Society, 39).

ному ей произведению Каллимаха, Диоскуры (Callim. Fr. 228 Pf.)⁵⁵. Мы уже высказывали предположение о египетских, причем чрезвычайно древних параллелях данного мотива у Феокрита⁵⁶; вероятно, то же самое может быть сказано в связи с его появлением у Каллимаха и, возможно, и в принципе в связи с его появлением в эллинистической идеологии. В то же время, как мы видим, для адекватного «перевода» этого представления в категории эллинской мифологии Птолемею II приходилось прибегать к услугам придворных поэтов, что при элитарном бытовании их произведений не решало проблему его широкой пропаганды. Гораздо более выгодна в этом смысле была прямая отсылка к практике почитания Арсинои II в египетских храмах: понятно, что его инициатором был Птолемей II, однако там оно легко и логично легло на древнюю, не требующую ни специальных пояснений, ни тем более оформления в виде специальных пропагандистских произведений основу – базовое для египетской идеологии представление о посмертном вознесении царя (точнее его «силы»-*ба*) на небо (см. о смерти Арсинои в Мендесской стеле: «Богиня эта, вышла она на небо, соединилась она с плотью создавшего красоту ее... Что до того, как был отверст рот (т.е. совершен посмертный обряд “отверзания уст и очей”. – И.Л.⁵⁷) богини этой вплоть до дня 4[-го], вышла она в качестве *ба* живого»; Urk. II. 40. 9–12: *nṯrt tn pr:s r pt hnm:s ḥꜥw n kmꜣ nfrw:s [...]* *ir m-ht wp r n nṯrt tn r hrw 4 pr:s m bꜣ ꜥnh*)⁵⁸.

Как нам представляется, именно подобная прямая отсылка к египетскому религиозно-идеологическому топосу (т.е. для греко-македонских подданных Птолемея II, остававшихся в конечном счете людьми архаики, к объективной реальности, хотя и выраженной в категориях другой культуры, еще подлежащих адаптации), которая была использована Птолемеем II для подкрепления учрежденных им исключительных почестей Арсинои Филадельфы, и предопределила особое, в известном смысле опережающее, место ее культа в эволюции царской идеологии Птолемеев. Если структурообразующие институты их культа (прежде всего александрийское эпонимное жречество) оставались изолированными от собственно египетской религиозной жизни вплоть до времени Птолемея III⁵⁹, то в культе Арсинои, параллельно с тщательным «прописыванием» его важнейших компонентов в эллинских категориях (например, в произведении Каллимаха и еще важнее в уподоблении царицы Афродите Эвлпое), практически с момента его учреждения начинается активное взаимодействие с египетской традицией⁶⁰. В перспективе это создает основу для качественного скачка в этом направлении в эволюции всех институтов царского культа Птолемеев после 3-й Сирийской войны; однако уже в царствование Птолемея II частным следствием этой тенденции стала, по-видимому, возможность использования в греко-македонском культе Арсинои предметов египетских или проявляющих сильные черты египтизации. Именно к ним относятся соответственно голова статуи Арсинои II из Керчи и исследованная нами подвеска, обнаруженная на городище Чайка.

⁵⁵ Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley–Los Angeles–London, 1993 (Hellenistic Culture and Society, 12). P. 111. Not. 121.

⁵⁶ Ладынин. Проблемы греко-египетского синтеза... С. 23–25.

⁵⁷ Meulenaere H. de, MacKay P. Mendes in Antiquity. Warminster, 1976. P. 175.

⁵⁸ См. о соответствующем представлении египетской идеологии: Демидчик А.Е. Староегипетская печать «правителя Нагорья» и письмо Синухета царю // ВДИ. 2001. № 2. С. 81.

⁵⁹ Ладынин. Основные этапы царского культа Птолемеев... С. 161–164.

⁶⁰ Hölbl. A History of the Ptolemaic Empire. P. 101–103.

AN EGYPTIAN PENDANT FROM THE SETTLEMENT «CHAYKA» (NORTH-WESTERN CRIMEA) AND THE POSTHUMOUS DIVINIZATION OF ARSINOE II PHILADELPHOS

I.A. Ladynin, E.A. Popova

In 1993 the excavations of Farmstead Two of the Greek settlement «Chayka» (near Evpatoria, North-Western Crimea) brought to light from the strata of the Hellenistic period a pendant of blue glass. The pendant is double-sided, showing on its sides a male and a female face that form evidently a couple; the male face has a stylized Pharaonic beard and an also stylized kerchief around it (one should note the absence of uraeus); the female face is surrounded with rather long curling hair (possibly, the «corkscrew locks» of Ptolemaic women sculpture) and had a decoration on the forehead (now absent; but it was an uraeus rather than an Isiac solar disc between horns, which would have made the object more fragile). The style of the pendant attests its Egyptian origin, though the Egyptian features of the object seem to be well Hellenized (an authentic Egyptian male image of the kind would have probably been impossible without uraeus): the pendant was probably intended to serve as an amulet.

The paired images could show a couple of deities, i.e. Sarapis and Isis, or royal consorts; the latter option must be chosen, as the male face has nothing in common with the iconography of Sarapis. To identify the royal couple one should pay attention to the uraeus on the forehead of the queen contrasting to its absence with the king; an analogy can be drawn with a number of Egyptian reliefs and sculptures showing queens with double uraei, probably as a sign of greater divine power as compared to rulers marked with single uraeus. If this is the case with the images of the pendant, it is intended to show the queen possessing a greater sacral power than the king. This allows to assume with high probability that the pendant presents a couple of «Brother-and-Sister Gods», Ptolemy II and Arsinoe II Philadelphoi, the latter deceased about 270 BC and deified by her brother (two uraei being a distinctive feature of her Egyptian statues after her death). The presence of her husband's face on the object makes it possible to date it still to his lifetime (i.e. between 270 and 246 BC).

The protective force of the object can be best of all connected with the Ptolemaic propaganda of deified Arsinoe as a benefactress of sea-farers. A number of evidence tells us about Ptolemaic interest in the contacts with the North Black Sea states at the time of the 2nd Syrian War (260–254 BC) and, probably, its aftermath: objects connected with Arsinoe are likely to have been given as amulets of sea-farers by the Ptolemaic naval officers to their local contractors at the region. Finally, one has to consider the fact that the Egyptian features of the pendant, though stylized, are distinctive: a tense interrelation with Egyptian tradition, somewhat premature within the entire evolution of the Ptolemaic ideology, is specific of the cult of Arsinoe II.